

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

МИТИН ИГОРЬ

18+

КОРРЕКТОР

Митин Игорь Корректор

<https://litres.ru/74460489>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бывает такое, что в один и тот же день очень вежливые Агенты контроля ведут тебя в твою же лабораторию — сдавать по описи проекты, на которые ты прожёл всю свою жизнь. И для убедительности держат в заложниках твоих родителей.

А жена в тот же день сообщает о разводе. И заодно — что уходит к твоему ассистенту.

И ты понимаешь: это не совпадение.

Тогда я думал только о том, как выбраться. Куда именно меня вынесет — я даже представить не мог.

Даже предусмотрительность не бывает абсолютной. Но я подготовился достаточно, чтобы выйти из этой западни.

И даже живым.

Почти.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	26

Митин Игорь

Корректор

Пролог

Я умираю... Суки... Ненавижу! В ушах звенит. Я поворачиваю голову вправо — и вижу, что вместо руки, чуть выше локтя, теперь кровавый обрубок. Ещё немного — и мне бы разорвало грудь. Всё-таки хоть редкие походы в спортзал дали плоды... Рубашка и когда-то белоснежный рабочий халат — в лохмотьях, пропитаны кровью. Я буквально ощущаю, как с каждым стремительным ударом сердца жизнь уходит. С каждым толчком из этой раны вылетает кровь — она уже образовала лужу возле меня.

Суки! Суки! Суки! Я знал, что этому ублюдку нельзя доверять. Им всем нельзя. Одни сидят у власти, другие делают грязную работу. Ублюдки. Ненавижу! Ненавижу! НЕНАВИЖУ!

— Ремень... Чёрт возьми, ремень... — Я хватаю его из последних сил, изуродованной, но ещё рабочей левой рукой. Разум мутнеет. С каждой секундой всё темнее, тише. Тук... тук... Сердце бьётся всё слабее. Смерть шепчет: «Хватит сопротивляться. Закрой глаза. Успокойся. Покойся, Покойся...»

— Хер тебе в глотку! — рывкаю я.

За массивной дверью, похожей на вход в бомбоубежище, слышны глухие взрывы. Последняя линия обороны — боевые дроны. Они выигрывают мне пару минут. Пол под ногами вибрирует. Снопы искр летят из аппаратуры, которая стоит, как несколько крупных городов.

— Предатели... Кругом одни предатели, — шепчу, сплёвывая кровь и слюну.

Моя бывшая. Та ещё сука. Ушла с тем, кого я считал способным преемником, хоть и недалёковидным. Доверие — это риск, который не всегда оправдывается.

Тук... тук... В голове туман. Всё как во сне. С трудом фокусируюсь. Всё сложнее... Всё же мне удаётся затянуть ремень на культе.

— Чёрт, больно... — говорю вслух. — Хорошо. Значит, живой.

— Двенадцатый! — зову я своего дрона-помощника. — Срочно! Принеси боевую сыворотку А-200!

Маленький дрон, чуть меньше футбольного мячика, мигает синим: приказ принят. Он беззвучно срывается с места. Я, опираясь на стол, встаю на четвереньки, потом на ноги. Голова кружится. Слышу новый взрыв. Пол дрожит. Падаю, ударяясь головой о стол.

Пять минут максимум — и сюда ворвутся солдаты Континентального Союза. Псы жирных ублюдков, королей мира. Всё пошло не так из-за неё. Из-за этой твари. Ну и хер с ней.

Сам виноват, что поверил.

— Инъектор с сывороткой А-200 доставлен, — докладывает дрон.

— Коли! Быстрее! — Макс, предупреждая: А-200 предназначена для солдат в бою. Без медицинского вмешательства последствия могут быть...

— Заткнись и коли! — кричу, брызжа розовой пеной.

— Под вашу ответственность, — спокойно отвечает дрон, прикладывает шприц к шее. Щелчок.

В ту же секунду по телу разливается пламя — коктейль из кипятка и перца. Волна магмы сжигает боль, страх и сомнение. Ясность. Холодный разум. А-200 — сыворотка смертника. «Двести для двухсотого», как называют её десантники. Обменять одну жизнь на несколько жизней врага.

— Двенадцатый! Разбуди досмотровую капсулу проекта «Хронос»!

— Прости, Макс. Для этого требуется...

— Да заткнись! Код доступа: 08679774

— Пароль принят. Реактор капсулы выйдет на базовую мощность через 1 минуту 32 секунды.

Шум за дверью стих. Хорошо, охрана сдержала волну. Осталось совсем мало времени. Я встаю. Рука зудит, значит сработали биопротекторы, закрывая разорванные сосуды и запечатывая рану.

— Двенадцатый, что у меня с доступом?

— Права администратора действуют.

— Создай канал, обнови данные на капсуле.

— Готово. Зафиксированы попытки взлома — используется минимум несколько кластеров из «Квант-4».

Я понимаю, почему так всполошились правительственные убудки. Официально проект признан «неликвидным», но перешёл в госсобственность. Моё детище — моё! Я отдал полжизни ради возможности предотвратить преступления. А они хотят лишь больше власти. Больше денег. И конечно, ведь нулевой реактор «не годится для серийного производства». Слишком нестабилен. А вот обычная ПЭС — при аварии уничтожит всё живое на сотни километров. Безопасно, ага...

— Двенадцатый, подай питание на проект «Янус».

— Недостаточно прав. Нужен администратор проекта.

— Ожидаемо... Тридцать секунд — и мои права обнулят. Эти псы работают быстро. — Вход в другую учётную запись. Пароль: «чемодан голых карликов».

— Учётная запись «Хексус» активна. Запускаю проект «Янус».

— Отрежь «Хронос» от сети. Создай защищённый канал между ним и «Янусом».

— Выполняю...

Со стороны двери — шипение, искры. Их режут. Я должен паниковать, но нет — эффект А-200. Их сдерживает только жадность: жажда захватить проект себе.

— Двенадцатый! Команда для капсулы: после активации

переместиться внутрь станции — в полуметре от капсулы «Янус».

— Нереализуемо. Капсула не может проходить сквозь стены.

— Тогда так: вернуться во времени в момент, когда станции ещё нет, затем прыжок на +1 секунду — в заданную точку.

— Команда отправлена. Капсула появится через 1 секунду после набора мощности.

— Двенадцатый, уничтожь сервера проектов «Янус» и «Хронос».

— Физическое уничтожение повлечёт потерю 95% вычислительной мощности. Подтверждаешь?

— Подтверждаю. Хоть взорвись — но сотри всё к чёртовой матери!

— Принято. Уточнение после последней команды. Жду упрощённый приказ.

— Если люк капсулы откроется — залети внутрь и жди. Дрон взмыл вверх, исчезнув, как молния.

Передо мной — второй проект. «Янус». Горизонтальная капсула, почти как криокапсула, но внутри — ложемент, без защитного геля. Перенос сознания в более молодое тело самого себя. Я собирался вернуться в прошлое и плюнуть бывшей в лицо. А другу — устроить несчастный случай.

Сорок лет я был альтруистом. Теперь всё. Я вернусь в прошлое, выберу подходящее тело и загружу в него свой разум.

Я больше не буду спасать этот мир. Я засуну в его задницу всех, кто так стремится туда забраться....если бы я был мо-
ложе — назвал бы себя злодеем. Но знаете что? Хер вам. Из
двух зол побеждает то, которое злее. Потом оно же и назы-
вает себя Добром.

Они устроили «несчастный случай» моим родителям. По-
ставили срок, сказали: «Успей завершить проект». Но я уже
всё завершил. Даже протестировал.

Открываю панель. Трудно делать всё одной рукой. И ко-
нечно — правую оторвало. Ладно. Главное — два стабили-
затора и нагнетающий контур. ...в этот момент передо мной
появляется «Хронос». Капсула — как ртутная капля, покры-
тая сеткой излучателей. Идеальна. Внутри — кресло и экран,
обращённый к голове.

Искры за дверью стихли. Тяжёлая дверь падает.

— Он жив! Убить его! Осторожно! Не повредите обору-
дование!

Секунды на счёте. Я хватаю модуль... но у меня слишком
мало крови и одна рука. Капсула сообщает: «Запуск. Про-
верка систем...»

Возвращается дрон. И — врежется в хронокапсулу. Вто-
рой удар — выстрел из «Толкача». Хронокапсулу сдвигает.
Я падаю в ложемент «Януса» — наполовину.

— Герметизация через три... два... один...

ЩЕЛК.

Наверное, из-за боевого стимулятора, который неплохо

так разошёлся по телу, боли я не почувствовал, когда капсула в мгновение ока разрубила моё тело напополам. Я лишь услышал щелчок — с характерным чавкающим и похрустывающим звуком. Спустя секунду я понял, что не чувствую ног... да и вообще ничего не чувствую. Понимая, что у меня осталось два, ну, максимум три вдоха, и я уже не жилец, я глубоко вдохнул и закрыл глаза...

Как я говорил, хронокапсула поняла, что здесь ей делать нечего — её атакуют, а единственный способ уйти — прыгнуть во времени. Раскинув экранирующее поле, она исчезла, утащив за собой всю материю с внутренней стороны этого поля.

Закрыв глаза, я почувствовал себя песчинкой, попавшей в огромный торнадо — настолько беззащитной, хрупкой и незаметной для этого урагана.

Но мне было спокойно. Да, я проиграл... но проиграл не сдавшись. В голове мелькнула мысль, что нужно было прыгать в хроно-капсулу. Я бы мог найти то время, где можно было бы наворовать детали для постройки «Януса»... но эта умная мысль пришла слишком поздно.

С полуприкрытыми глазами, прилагая все усилия, чтобы сделать свой последний вдох, я заметил, что абсолютную тьму сменила мягкая, тёплая дневная светотень. Сознание медленно проваливалось, гасло... и вдруг пришло осознание: я не могу не то что вдохнуть — даже закрыть веки. Сквозь морок забвения я слышал бодрый голос капсулы

«Янус»:

— Аварийный источник активирован. Поиск... Проверка заданных параметров. Параметры отсутствуют. Считывание матрицы оператора... Матрица считана. Поиск подходящей сигнатуры... Найдено совпадение: 53%. Продолжаю поиск... Найдено совпадение: 78%... Продолжаю поиск... Найдено совместимость: 96%... Поиск совместимости... Опасность: критическое повреждение оператора. Выполняю немедленный перенос...

И тут всё закружилось. Ощущение было такое, будто я — как вода в кружке. Я осознаю себя водой. Я чувствую кружку. Но... вдруг появляется ощущение, что кто-то взял эту кружку и начал переливать. Мне, воде, это не нравится. Я не хочу! Я знаю эту кружку. Я хочу остаться в ней! Нет... Нет! Я не знаю, куда меня переливают. Я не знаю — и не хочу знать. Хватит.

Пытаюсь кричать — без слов, мысленно, сопротивляюсь, но меня никто не спрашивал...

Только монотонный голос «Януса» звучал где-то вдалеке:
— Выгрузка матрицы оператора — 26%. Коррекция носителя произведена. Выгрузка матрицы — 49%... коррекция... 72%... коррекция матрицы... 93%... коррекция... Полная коррекция носителя завершена. Выгрузка — 100%. Полная синхронизация личности будет выполнена через 24 часа и 21 миииии...

Звук повис звенящим, затухающим эхом.

И почему-то я решил закончить за него.

Я произнёс, то ли детским, то ли подростковым, ещё не хриплым, но уже мужским голосом:

— ...минуты.

Глава 1

Где я?! А что важнее — кто я?!

Слова дались с трудом. Чувство безмятежности резко оборвалось — вместо него меня настигла дикая головная боль. Такая, что первой мыслью было: нужно схватиться за голову и биться ею об стену, пока она не стихнет.

Попытка вдохнуть носом провалилась. Вместо свежего воздуха или хотя бы кислорода в горло попала смесь моих же соплей и крови. Да, как говорится — вкус знакомый с детства. Раньше мне часто приходилось биться с хулиганами, и разбитый нос никогда не был в новинку. Зубрил очкариков всегда не любили — даже если они не носили очки.

Не открывая глаз, сильным харчком сплёвываю всё, что попало в рот с тем злосчастным вдохом. И тут сразу слышу: — Ах ты, выродок, живой ещё?! На белую рубашку!

Сразу чувствую — по многострадальной голове прилетает удар. Сознание снова начинает покидать меня...

Перед тем как уйти то ли в Царство Анубиса, то ли к Морфею, слышу голоса:

— Пошли отсюда! Вы видели, сколько у него с носа крови вытекло? Вдруг сейчас правда сдохнет... Уходим! Уходим!

Последняя мысль на краю сознания: «Да ёб твою... не сдох от десантников — так шпана помогла».

Меня будит прохладный воздух. Запах хвойного леса и

влажного бетона. Открываю глаза — вижу, что лежу на своей руке. Да, чёрт возьми, моей руке! Это моя правая рука!

Стоп. Или не моя? Это явно не рука взрослого человека.

В мозгу проносится череда событий, будто гудящий локомотив на полном ходу несётся, а в стороны от него разлетается снег, оголяя свежие воспоминания.

Мысли путаются. Уже темно. Бабушка с дедушкой будут волноваться...

Нет. Подожди. Их же нет. Они умерли ещё до моего рождения. Меня воспитывали мама и папа.

Папа был инженером — ремонтировал дроны.

Мама — художник... Да! Да! Точно — художник! Я помню, как она рисовала нас с моей женой Алькой тогда, на пляже.

Алина!

Я сел, опершись об ещё тёплую бетонную стену. Кулаки сжались сами по себе. Сука... Она сливала всю информацию наверх, к пузатым уродам в серых костюмах, которые... которые...

Слёзы подступили к глазам, ком — к горлу. Они убили моих родителей.

Нет... Мои родители погибли во время репортажа. Рухнуло здание. Мои?... Нет, не мои. А может, мои?..

Я не понимаю, кто я.

Я — Анто... Нет! Нет! Нет! Я — Макс. Максим Андреевич Лир!

Тогда почему я — Антон? Я не Антон! Или?..

Делаю глубокий вдох и выдох.

— Да вашу мать, почему сейчас со мной так?.. Почему я ничего не понимаю?

Шёпотом задал вопрос в пустоту.

Я знал, что Янус был только прототипом, и его не тестировали... Ага, Янус. Антон знал о Янусе?.. Нет, не знал. Значит, я — Макс. Да, я — Максимус. Точно! Меня так называл мой друг Суреш.

В голове проносится воспоминание о Суреше. Мне — 31. Проект Хронос существует только в моей голове. В лабораторию заходит смуглый, худощавый парень, который пугливо озирается по сторонам — наверное, так бы себя чувствовал грешник, случайно попавший к Богу на аудиенцию, обманув всех, сказав:

— Да я только глянуть... одним глазком.

И после этого у нас в лаборатории появилась крыса. Умный, да. Прекрасно разбирался в том, что он воровал. Но ума не хватило понять всю картину. Да, оно будет работать. Но не так, как надо. И уж точно не как единое целое. Представляю, что с ним сделают его заказчики, когда узнают, что он поставлял им хрень, которая не работает как следует.

И жёнушка моя. Она-то думала, что с ним её ждёт счастье и безбедное существование. А вместо этого её будет ждать сморщенный хер потного старика, который нужно постоянно наяривать, чтобы не сдохнуть от голода.

Я встал на ноги и облокотился на пустой проём окна многоэтажки. В лицо дул свежий, приятный ветер. Вдалеке раскинулся лес — на несколько километров.

Хочу пить. Во рту пересохло, и слегка покачивает... Но, чёрт возьми, я выбрался. Я жив.

Спустившись по лестнице, я увидел большую синюю пластиковую бочку, на крышке которой была дождевая вода. Грязи в ней не видно, пыль осела на дне — без зазрения совести втянул прохладную влагу, пополоскал рот и сплюнул. Затем повторил, но на этот раз сделал пару глотков.

— Ну здравствуйте, микробы. Заждались? — усмехнулся про себя.

Нет... Стоп. Свистун будет!

Какой, нахер, Свистун?

А! Так мой дед называл понос...

Мой дед?

Ах ты ж, блядь... Опять режим «я — не я». Угадайте, кто я?

Надо идти домой... А где он?

Память Антона подсказала: по дороге — прямо. Туда. Правильно.

Дорога по лесу, несмотря на недавний дождь, оказалась на удивление сухой. Видимо, благодаря неприхотливым хвойным деревьям, растущим на песчанике.

С приближением к посёлку вопросов становилось всё больше.

Почему модуль Янус всё же отработал? И почти как надо. Ладно, этот вопрос можно отложить. Принцип любого инженера: если что-то непонятно — смотри логи.

А вот где сейчас моё оборудование — уже можно было догадаться. Для переноса нужно прямое и короткое расстояние. Вероятнее всего, на той горе за посёлком. Появление капсулы и высота здания обеспечили прямой путь с минимумом помех.

И всё-таки мне жаль того паренька, у которого совместимость наших матриц оказалась 96%.

Фактически, я его убил. Нет, даже хуже — я стёр его. Я даже не представляю, какие ощущения у него были, когда безжалостная машина отгрызала кусок за куском от его сознания.

Ведь этот проект изначально планировался для переноса в пустые клонированные тела, а по документам так вообще иное. Или хотя бы в тех, у кого нет самосознания. В крайнем случае — занять своё молодое тело. Но это уже вопрос этики.

Я подошёл к ободранному, старому, но ещё крепкому кирпичному дому. Большие железные ворота, выше человеческого роста, покрыты коррозией. Рядом — убогий, полу-сгнивший забор.

У колонки возле дома нажал на рычаг — полилась холодная вода. Я с жадностью напился, сколько смог. А когда понял, что нужно идти в дом и что там меня может ждать, в

голове пронеслось воспоминание детскими голосами:

— Уничтожитель тормозной жидкости. Антон. Ржавые ворота.

Я открыл калитку и шагнул во двор. Под дрожащим светом одной лампы сидел мужчина — пожилой, в поношенной кепке, старом коричневом пиджаке в клетку, спортивных штанах и галошах. Его вид сбивал с толку: одежда будто нарочно подбиралась назло здравому смыслу. Я остановился, растерявшись от визуального диссонанса.

— Ну чего, внучок, застыл? Проходи, — негромко сказал он.

Помолчав, добавил:

— Да не бойся ты, не трону.

— Честное пионерское? — спросил я, даже не подумав.

— Честное, честное, — выдохнул он, выпуская струю дыма.

Я подошёл ближе. Его глаза расширились.

— Твою ж... Кто это тебя так?

И хотя выглядел он хрупким, двигался быстро: буквально за секунду оказался рядом.

— Ой, бя... — выдохнул он. — Давай-ка, под свет.

Он бегло осмотрел мою голову, остановившись на затылке.

— Пробито... — буркнул он. — И ты даже не заметил?

Я и правда не придавал этому значения — думал, головная боль осталась от Януса, а не от какой-то раны.

— Как ты вообще на ногах держишься? Бутылкой, что ли, по башке? Глянь, какой разрез... — Он хмыкнул и посмотрел на меня серьёзнее. — Кто приложил? И за что?

— Без понятия, — ответил я, почти не соврав. — Очнулся — уже вечер был. Пошёл домой.

— Ладно, мученик... Сейчас зелёнку принесу, заодно кастрюлю на плиту поставлю. Не мыть же тебя ледяной водой.

Он уже уходил, когда пробормотал себе под нос:

— Хотя стоило бы. Может, дурь бы вышла...

Я сел на скамейку возле сарая и стал ждать. В голове всплыла сцена — паспорт, что я когда-то держал в руках. Имя: Пётр Константинович.

Со стороны соседского дерева свисало яблоко. Желудок сдал сигнал: урррр...

Я встал, дотянулся до яблока, сорвал его и надкусил.

Фу... кислятина. Но жрать хотелось так, что плевать — сморщившись, я доел.

На крыльцо вышел дед.

— Иди сюда. Повернись спиной.

Я послушно встал, как велел. Он положил руку мне на плечо.

— Соседи спят, — проговорил он, словно между делом.

Соседи? Причём тут они?.. — подумал я. И тут почувствовал резкое жжение. До меня дошло — зелёнка. Я стиснул зубы, вытерпел.

— Что, не больно? — нахмурился дед, взглянув в лицо.

— Терпимо. Бывало и хуже, — ответил я рассеянно, не отрываясь от мыслей.

— Это когда? — спросил он, уже разворачиваясь к дому.

— Когда... руку... — начал я и осёкся.

Он обернулся. Свет бил мне в глаза, я не мог разглядеть выражение его лица, но голос прозвучал с нажимом:

— Руку что? У тебя ещё и рука?

— Нет, с рукой всё нормально... Просто вспомнил, как однажды крапивой обжёгся, — ответил я на ходу, выкручиваясь.

— Ну смотри... — вздохнул он и ушёл в дом.

Он, кажется, и не поверил. Но и не стал настаивать — видимо, думал, что успеет всё сам рассмотреть, когда пойдёт купать.

Через несколько минут он вернулся, принеся ведро с горячей водой.

— В баню марш! — скомандовал.

Я подошёл, подхватил ведро, перехватив его из рук деда.

— Иди вперёд, дверь открой, — сказал я.

— Хмм, — усмехнулся он и зашагал по тропинке.

На деле это был вовсе не жест заботы с моей стороны — я просто не знал, где баня. Пришлось импровизировать, иначе возникли бы лишние вопросы.

Баня оказалась кирпичным сараем с низким потолком и ржавой железной печью, сваренной кем-то явно не по нормам. Ни полок, ни камней. Только вешалка, пень, на котором

стоял таз с облупившейся оцинковкой, и огромная железная кружка. Свет — от тусклой лампочки накаливания.

Я вдруг осознал: это не двадцать первый век. И уж точно не двадцать четвёртый. Это, чёрт возьми, двадцатый.

Лампочки накаливания ведь ещё в двадцать первом веке запретили — как неосветительный, а нагревательный прибор.

— Чего застыл? Раздевайся. Или думаешь, тут надышать можно? — выдернул из мыслей дед. — Давай-давай, не замёрзнешь.

Я начал стягивать майку. Он уже выходил, когда сказал: — Натрёшься — голову не мочи. Приду, сам помою. И воды оставь хотя бы на тазик.

Я остался один. Только сейчас заметил маленькое зеркало в оконце — старое, ржавое, будто от трактора. Подошёл ближе, взгляделся.

На меня смотрел подросток лет двенадцати-четырнадцати. Тёмные волосы, слегка опухший нос, разбитая губа, серые глаза.

Типичный европеец времён до глобальных миграций и военных конфликтов. Тогдашняя ядерная гонка держала мир в хрупком равновесии — либо ты под крылом ядерной державы, либо в глуши без удобств, либо терпи. А если не терпишь — прилетит.

В таких державах и проросла насквозь прогнившая коррумпированная система, позже названная Континентальным

Союзом.

— Тошка, ты там не уснул? — донеслось с улицы.

Так дед называл своего внука Антона. Меня ли он звал? Или Антона?

— Не могу найти мыло! — крикнул я, имитируя раздражение.

— За пеньком посмотри. Или в кружке.

Нашлось — в кружке. Я поднёс к телу прохладную воду. И понял: да, сейчас это нужно. Хоть как-то снять напряжение.

После банных процедур, вытерпев повторную экзекуцию с зелёнкой, мне выдали чистый комплект одежды: полосатую майку, синие шорты и — по последнему писку местной моды — резиновые калоши.

— А теперь марш домой! — скомандовал дед, замахнувшись для подзатыльника, но быстро одёрнул руку — видимо, вовремя вспомнил про мою многострадальную голову.

Зайдя в дом, я ощутил странное смешение чувств: с одной стороны — привычное домашнее спокойствие, с другой — чувство, будто я нахожусь на экскурсии в музее. В центре комнаты на длинном проводе висела старая лампочка накаливания, освещающая проходы в другие комнаты, низкие и тёмные.

— Ну чего стал? Не голодный, что ли? — раздался голос деда. — Беги на кухню, там на плите кастрюля. Ешь, пока не прокисло.

Живот заныл от голода, но память упорно молчала: в ка-

кую сторону идти? Подумав, что я человек испорченный, решил идти налево — и угадал.

На двухкомфорочной газовой плите стояла небольшая алюминиевая кастрюля. У окна виднелся кухонный стол, на нём — пустой цветочный горшок, забитый ложками и вилками. Живот снова издал своё нетерпеливое урррр, и я, решив не терять времени, стал искать чашку и половник. Чашку нашёл быстро, но половника, увы, не оказалось.

Пришлось черпать суп ложкой — понемногу переливая его в чашку, я боролся с желанием просто припасть к кастрюле и сделать пару глотков прямо оттуда. Наконец, победив в этом сражении с собственным голодом, я опустошил две чашки самого вкусного супа в жизни — во всяком случае, именно так он мне показался в тот момент.

После еды я ощутил, как по телу разливается тепло и усталость.

Дойдя до спальни, желание не уснуть, а именно вырубиться было практически непреодолимо.

Окинув взглядом комнату, я заметил неубранную кровать с разбросанными вещами и сразу понял, какая из них моя. Не раздеваясь, я улёгся на мягкую перину и почти мгновенно провалился в сон.

Я открыл глаза от резкого солнечного света, пробивавшегося через окно. Снаружи раздавались невнятные крики, что-то с грохотом влетело в дом и ударилось о стену. Я вскочил с кровати и увидел, как дед бросается вперёд, прикры-

вая меня. В дверном проёме, где раньше была дверь, появился досмотровой дрон: лазерная сетка пронеслась по комнате, сканируя всё вокруг, и с такой же скоростью дрон исчез.

Снаружи послышались крики:

— Он здесь! Не вооружён! Берём его!

В комнату ворвались солдаты Континентального Союза в полупрозрачной камуфляжной броне. Их шлемы закрывали лица синими зеркальными стёклами, в руках они держали оружие, и если бы они замерли, казалось бы, что оружие само плывёт по воздуху.

— О, Господи... — успел лишь прошептать дед.

Вспышка выстрела — и ровный удар толкача разрывает его тело. Грудь превращается в кровавую дыру, тело выгибается, сзади вырывается фонтан крови, обрызгивая стену. Я захлебнулся воздухом — верхняя часть его тела безжизненно падает на ковёр. В его застывшем взгляде читается ужас и отчаяние. Но в этот миг я понимаю — это не его глаза. Это мои и моё лицо.

— Нет! Это не я! Я здесь! — с этим криком я просыпаюсь.

Сердце бешено колотится. Я оглядываюсь, пытаюсь найти хоть какие-то следы ночной бойни. Кровать деда аккуратно заправлена. В комнате тихо, лишь сквозь окно льётся яркий дневной свет, а в его лучах танцуют пылинки.

Я инстинктивно поднимаю руку, чтобы взглянуть на часы, но тут же вспоминаю — у меня их нет.

Вздыхнув, я замечаю напротив большой деревянный

шкаф с зеркалом. В нём на меня смотрит испуганный темноволосый паренёк. Я встаю с кровати, медленно подхожу к зеркалу, поднимаю руку и прикасаюсь к отражению, будто ожидая ответа от него — как будто этот мальчишка пытается что-то мне сказать.

Сердце постепенно успокаивается. Я улыбаюсь своему отражению и шепчу:

— Ну что, Максим Андреевич... или Антон Максимович? Теперь ты — почти Антошка.

С этого момента начнём с чистого листа.

Глава 2

Вернуть своё

Зайдя на кухню, я увидел уже знакомую кастрюльку с супом. Не став церемониться, взял вчерашнюю немытую ложку из рукомойника и начал без зазрения совести выгребать остатки со вчера, размышляя о своём будущем. С каждой ложкой настроение становилось всё лучше. Дважды чуть не сдох — извини, костлявая, но в другой раз. А лучше вообще никогда, подумал я, уплетая суп.

Для начала нужно максимально быстро добраться до места хронопрыжка и надеяться, что туда ещё не добрались ушлые местные. А дальше действовать по обстоятельствам.

Выйдя на порог, я вдохнул полной грудью: воздух был свежим, с ароматом хвойного леса и луговых трав. Закрыв глаза, улыбка сама наползла на лицо. В прошлой жизни я никогда не вдыхал такие запахи. Даже куча дорогих освежителей, которые обожал покупать я или жена, не могла и на тысячную долю сравниться с этим благоуханием.

Мою эйфорию прервал знакомый голос деда:
— А ну стоооЯТЬ!

Приоткрыв глаза, я увидел старика, сидящего на скамейке за ветвями дерева. Бегло окинул его взглядом — с ним всё в порядке. Опять закрыл глаза, продолжая греться под солнцем, и ответил:

— Ну как видишь, я стою.

Дед поперхнулся сигаретным дымом — явно не ожидал такого ответа.

— Ты куда это намылился, яхонтовый? — уже строгим тоном спросил он.

— Да я, собственно, на поиски семейного счастья и миллионного состояния отправился. А то что-то засиделся в холостяках, — парировал я.

Дед поперхнулся во второй раз, но уже не дымом. После долгой паузы спросил с каким-то сомнением в голосе

— Антошенька, чем так тебя вчера приложили?

В памяти всплыла сцена из очередного ремастеринга древней игры, и я ответил:

— Судя по тому, как быстро потерял сознание, это была палка грёз.

На этот раз дед не выдержал: подошёл, ласково взял мою голову в руки и, не отпуская, начал поглаживать большими пальцами по щекам. Серые глаза старика заслезились.

— Маленький мой... Ты же знаешь, что кроме тебя и бабки у меня никого на этом свете нет. Если с вами что случится, я же на себя руки наложу.

Я начал понимать, насколько несчастен этот старик: потерял сына и почти внука, но не сломался, не превратился в вечно пьяного слюнтяя, жалеющего себя и своё прошлое. Молча обнял его так крепко, как мог.

Отпустил и, глядя в глаза, сказал:

— Теперь всё будет по-другому. Всё будет хорошо. Только не переживай за меня.

Дед взял меня за плечи, внимательно посмотрел и спросил:

— Тошка, только не ври. Кто тебя так? Мы на них найдём управу.

Врать не хотелось. Наверное, избыток чувств дал о себе знать: всё же какие-то чувства к этому старику у меня уже были. Но и рассказывать всю правду тоже не хотелось, поэтому сказал полуправду:

— Не знаю. Гулял по заброшке за лесом, поднялся по лестнице, и кто-то ударил со спины. Дальше ничего не помню.

— А я знаю, — процедил дед сквозь зубы. — Это внучок той штабной крысы со своими дружками. Я с ними поговорю. Думают, раз есть связи, значит, все тут грязь под ногами, и делать можно что угодно. Но я, блядь, с ними разберусь.

— А какой смысл? — запротестовал я. — Даже если это были они, ты к ним придёшь или выловишь их на улице — думаешь, они всё расскажут? Этим ты сделаешь только хуже. Давай я сначала узнаю точно, они ли это были, а потом уже решим, что делать.

Мне не хотелось, чтобы дед вмешивался. Это мои дела. И я не завидую тем уродцам, которые так потрепали моё тело. У меня теперь почти долг перед Антоном: я забрал его жизнь, значит, и разбираться в этой ситуации мне.

Дед выдохнул, осмотрел мою голову, украшенную зелёной, и нахмурился:

— Я тебя не узнаю. Ты прямо сам не свой. Раньше молчал, слова поперёк не мог сказать. А сейчас будто не с тобой разговариваю.

— Ну если ты меня перед собой видишь, значит, со мной, — парировал я.

— Вот об этом и говорю. Пару дней назад ты бы промолчал и голову опустил. Взрослеешь, — с улыбкой сказал дед.

Ага, конечно, повзрослел — сразу на сорок с лишним лет, подумал я про себя, но вслух сказал только:

— Время меняет всех. Никто не останется прежним.

Дед выдохнул, покачал головой и пошёл к скамейке. Не оборачиваясь, добавил:

— Надеюсь, ты понимаешь, что после такого приключения ты наказан. Сегодня со двора ни ногой — будешь помогать по огороду.

— А может, амнистия? Я хотел сходить за лес, — не смиряясь с наказанием, сказал я, сходя с порога.

— Амнистия?! Да откуда ты таких слов нахватался?

— Откуда же... Из книг. Учение — свет, а не учение — чуть свет и на работу, — вспомнил я заезженную фразу.

Дед присел на лавочку, взял недокурный бычок, прищурился на один глаз, чиркнул спичкой. Я не стал дожидаться спора и симпровизировал:

— Там, за лесом, на лугу, много мяты. Хотел засушить

на зиму.

Выпустив серый дым, дед махнул рукой и пробубнил: «Взрослеешь...», а потом чуть тише добавил: «Надеюсь».

Не дожидаясь, пока дед передумает, я рванул к калитке.

При дневном свете улица казалась совсем другой: кривые, облупленные заборы, почти у каждого дома — лавочка. Дорога — воронки и лужи после вчерашнего дождя. Сельский уют и хаос.

Вспомнив, откуда пришёл вчера, понял: надо идти в другую сторону. Идя по раскисшей дороге, обходя и перепрыгивая лужи, я погружался в свои мысли. В голове творился кавардак: хаос мыслей, как в многоэтажном цирке, где снуют насекомые. Не люблю неясность: слишком много вопросов. Что с хронокапсулой? Как обесточенная капсула Януса нашла питание? Ладно, доберусь — разберусь. Меня волновало только это. Остальное — проблемы этого тела и местных хулиганов — сейчас было вторично.

Из раздумий меня вырвал старческий голос:

— Ах ты, щенок! Явился! Ты зачем у меня персики с дерева воровал?!

Я опешил. Какие, к чёрту, персики?

Передо мной сидела бабка-божий одуванчик в трёх слоях одежды и шерстяных носках с калошами. В руках — палка, которой она указывала на меня.

— Бабка, ты что, ёбнулась? Какие, в пизду, персики?! — вырвалось у меня.

Бабка уронила палку, начала озираться и завывала:

— Ах ты, матершинник! Вор! Посмотрите на него! Вор! Вор!

Меня накрыла волна ярости. Я подошёл, выхватил у неё палку, опёрся на неё и сказал с презрением:

— Персики, значит? Ну-ка покажи, где твои персиковые деревья.

Тишина...

— Что молчишь? Думаешь, заорёшь — и всё? А знаешь что? Иди-ка ты на хуй! И если ещё раз моча в голову стукнет — терпеть не буду. А палку я забираю — это моральная компенсация.

Бабка раскрыла глаза и рот так, что, казалось, ещё чуть-чуть — и переплюнет лемура. Я добавил:

— Хлеборезку закрой, а то мух наловишь.

Развернувшись, я сделал пару шагов, резко обернулся и сказал:

— И если вздумаешь наябедничать, помни: ты сама спровоцировала меня палку. Говорила, что есть персики, а их нет — спор проигран.

Бабка застыла, словив «Kernel Panic», а я, с ехидной улыбкой, пошёл дальше. Настроение заметно улучшилось.

По привычке потянулся к левой руке включить музыку — и вспомнил, что часов на ней больше нет. Вздохнул, пошёл бодрым шагом, радуясь, что хотя бы рука на месте.

Опять навалились мысли, вперемишку с воспоминания-

ми:

«А если капсула исчезла? Если я иду к пустому месту? Я ведь даже не знаю точно, где она появилась. По прямой до заброшки, но чем дальше от неё, тем больше угол разброса. А если там ничего нет — что делать? Остаться здесь и с моими знаниями учиться в этой дыре? Это всё равно что посадить ИИ-чемпиона по шахматам в класс, где дети считают спички...»

Вспомнились воспоминания Антона. Теперь я чётко мог отличать их от своих. Как на уроке алгебры учитель притащил серый ящик с зелёным экраном и гордо заявил, что это — будущее: машина, считающая быстрее человека. Ученики облепили учительский стол, разглядывая «чудо техники». Потом учителя боролись с калькуляторами и устройствами, связывавшимися с серверами. А в конце двадцать первого века Эмлерих Брэд отстоял право учащихся использовать любые средства для решения задач, доказав, что отказ от технологий — это принудительная регрессия.

Да и вообще, образование в моё время напоминало подгонку шестерёнок до идеальной формы — каждая должна была точно подходить к другой, чтобы весь механизм двигался в сторону светлого будущего. По крайней мере, мне так казалось... до того момента, как я столкнулся с изнанкой реального мира. Общество, поощряя массы, неизбежно уничтожает индивидуальность. И я сейчас не о возможности побрить голову налысо, набить на ней тату с электролюми-

несцентными чернилами и надписью «Пошло всё на хер». Я говорю о настоящей свободе — той, в которой ты волен заниматься тем, что тебе интересно, а не тем, на что тебя определила система. Но человеку свойственно думать, что он свободен... ровно до того момента, как сверху кто-нибудь не шлёпнет его по голове и не укажет его истинное место.

Моим первым серьёзным проектом был «Хронос» — мини-дроны, способные прыгнуть в прошлое на короткий промежуток времени и передавать в сеть информацию о готовящемся преступлении. Из-за нестабильного источника энергии дрон должен был самоуничтожиться, не выдержав нагрузки, превращаясь в кусок расплавленного металла. Да, Суреш, конечно, молодец — воровал всё, что я ему «терял». Вот только его заказчики будут в восторге, когда вместо темпорального прыжка они получают миниатюрное солнце: дрон буквально десять-пятнадцать минут будет выжигать всё в радиусе нескольких километров, а мощный гравитационный колодец подтянет всех, кто не решится посмотреть на это поближе. Хе-хе.

На самом деле я работал над проектом «Хронос» совместно с проектом «Янус». По бумагам «Янус» числился как оборудование для считывания воспоминаний — всё во благо правосудия, чтобы незаконно осуждённые могли подать протест и доказать свою невиновность. Документированные функции — это одно, а реальные возможности могут быть гораздо шире.

О да, я прокололся по-крупному. С той, кому доверял как себе самому. Всё-таки прожить с человеком больше пятнадцати лет без ссор и серьёзных обид располагает к полному доверию. Я и не думал, что она может так бессовестно пользоваться своим положением. Однажды, вскользь упомянув о настоящих проектах и чудесах, которые они сулят человечеству, я выдал слишком много. А после того, как мой нулевой реактор официально признали неликвидом, со мной связались люди, которым нельзя было отказать. Похоже, наверху кто-то сложил два плюс два и увидел реальную выгоду. Учёный доделает проект — а там можно случайно «убрать» его, оформив смерть как нападение сумасшедшего, которого потом быстро вылечат или просто спишут как без вести пропавшего.

Когда я пытался объяснить, что на доработку нужно хотя бы месяц, не говоря уже о тестах, моим родителям устроили автокатастрофу и фактически взяли их в заложники. Мне прямо сказали: у тебя есть неделя, иначе ты больше никогда их не увидишь.

В то время нулевой реактор уже был интегрирован в капсулу «Хронос». Оставалось только несколько доработок в проекте «Янус» — и я мог бы сбежать куда угодно и когда угодно, забрав родителей и любимую жену... которая, как выяснилось, уже несколько лет спала с моим мелким, но очень предприимчивым ассистентом-воришкой.

Эта неделя была сущим кошмаром. А утром в субботу ме-

ня разбудила доставка документов о расторжении брака и короткое видео, где моя — тогда ещё официальная — жена страстно целуется с Сурешем, а потом, с ехидной улыбкой, говорит:

— Надеюсь, ты сдохнешь в нищете, ублюдок.

Суреш в камеру показал мне средний палец, и видео обрывалось их смехом.

Я был в ярости, которая закипала с каждой минутой. Приняв ледяной душ, я понял: нужно заканчивать проект тихо — и сегодня. Не дожидаясь понедельника. Но едва я вышел из дома, как меня уже поджидали «дружелюбные» агенты контроля Континентального Союза. Вежливо, но настойчиво они попросили меня проследовать с ними для «сдачи проектов на утилизацию». Я был готов к такому развитию событий. А их на станции ждал сюрприз — впрочем, как и меня.

С этими мыслями я шёл около часа и наконец добрался до подножия горы. Подъём представлял собой хаотично разбросанные камни, многие из которых были покрыты многолетним мхом. Дальше по склону начали попадаться чахлые деревца, цеплявшиеся за жизнь на этом безжизненном каменистом склоне.

Пройдя примерно половину пути, я мысленно поблагодарил ту старуху и её палку, которую она неохотно, но всё же мне отдала. Антон был замкнутым ребёнком, а смерть родителей окончательно его сломала. Думаю, та бодрая и наглая старуха не впервые обвиняла его в воровстве, а когда я с ней

не согласился — растерялась... и это было заметно.

Кто же были те трое напавших? Похоже, дед был прав: это действительно мог быть внук военного, с которым у их семей давние счёта, перешедшие в неприязнь потомков.

Все эти мысли помогали мне отвлечься от жгучей боли в ногах, которые дрожали от усталости и перегрузки.

За этот не очень длинный, но напряжённый путь я уже не раз пожалел о том, что не взял с собой воду. Но чувство, что идти нужно именно сейчас, придавало сил.

Обрывки воспоминаний Антона начали всплывать в моём сознании: смутные, блеклые, но с сильным эмоциональным окрасом.

Светло-зелёные стены школьного класса, затёртая кусками до коричневой основы, исписанная мелом доска. Передо мной стоит рыжеволосый парень с опущенной головой, а силуэт женщины — видимо, учительницы — громко говорит:

— Ну что вы не поделили? Что он тебе сделал? Зачем ты испачкал его меловой губкой? Погляди, он же весь белый, ему теперь одежду стирать!

У рыжего на лице едва заметна довольная ухмылка. Он бубнит: «Извините, больше не буду» — но мне понятно, что он не то что не остановится, а будет измываться с двойным рвением. Злость переполняет меня. Злость и стыд от того, что я стал центром внимания всего класса, а мои проблемы теперь обсуждает учительница. Это позорно.

Воспоминание обрывается.

Я стою у водоёма — то ли маленькое озеро, то ли большое болото. Справа от меня светловолосая девчонка смотрит мне в глаза и говорит:

— Ну Антош... ну Антошенька... ну пожалуйста, меня мама убьёт за это колечко, я правда его потеряла, а возвращаться без него не могу — мама заметит и убьёт... Сходи поищи, пожалуйста.

Она берёт меня за руку, упрашивая, и смотрит щенячьим взглядом, но на губах у неё еле заметная улыбка.

— Ладно, поищу... — бубню я.

— Там, там где-то... в заброшке, — скороговоркой добавляет она.

Воспоминание гаснет.

Я сосредоточился на этом втором воспоминании. Теперь понятно: Антона, как барана, пустили на убой к тем троим уродам. А их точно было трое — судя по голосам: главарь и два подхалима на подтанцовках.

Я остановился на небольшой ровной площадке — дальше уже не было сил идти. Впереди дорога уходила в густой лес с еле заметной тонкой, извилистой тропинкой. Обернувшись назад, я увидел посёлок сверху: крошечный прямоугольник с клеточками заборов и огородов.

Не выдержав нагрузки, я лёг в густую траву, наслаждаясь ароматом луговых цветов. Память Антона подбросила что-то полезное: на камне рядом сидел его дед, задумчиво затягивался сигаретой. Бросил окуроч, растоптал его и, повер-

нувшись ко мне, сказал:

— Послушай, если будет возможность, никогда не начинай. Это та ещё дрянь. Но если начнёшь — не прячься, не хватало, чтобы ты ещё по углам шкерился и что-нибудь поджёл. Договорились? Честное пионерское.

Я выпрямился по струнке. Дед улыбнулся и покачал головой:

— Ну, что, ещё чуть-чуть — и дойдём.

Воспоминание оборвалось.

Началось новое: мы с дедом сидим у костра. Рядом журчит маленький водопад, свет от костра играет на глади воды озера. Неподальёку — самодельная палатка. Дед молчаливо ковыряет палкой угли.

Я сижу, обхватив руками колени. О чём я тогда думал? Нет, не я... Антон. О чём ты тогда думал, Антошка...

Дед поворачивается ко мне:

— А ну отставить уныние! Пойдём, покажу тебе кое-что — не зря же мы в такую даль шли.

Воспоминание обрывается.

...Вода! Много воды! Жажда одержала верх над усталостью. Ну что, ещё один рывок.

Шёл по узкой, но более удобной тропе. Мной уже двигало не желание найти оборудование, а жажда — рвущееся желание напиться.

На ходу в голову снова полезли обрывки воспоминаний Антона.

Я быстро иду из школы, предвкушая что-то хорошее. Среди одинаковых хрущёвок у подъезда сидят две старушки:
— Здравствуй, Антон.

Я киваю, пытаюсь прохрипеть «Здравствуйте», но изо рта выходит лишь шёпот — наверняка они даже не слышали.

Сзади слышу перешёптывание:

— Он у них отсталый, что ли?

— Да нет, говорят, нормальный. Просто скромный.

— Ага, как же... поздороваться боится, значит, как будто мы его покусали...

Я подхожу к двери, достаю ключи, но дверь открыта — ура, значит, мама и папа уже приехали! Интересно, что они мне привезли...

Слышу голоса на кухне, радостно бегу туда и вижу: за столом сидят дед и бабушка. Она вытирает опухшие от слёз глаза белым платком.

Дед цыкает:

— Тихо ты...!

Но это срабатывает как катализатор в обратную сторону — бабушка начинает захлёбываться в рыданиях. Я в растерянности, не понимаю, что происходит. Дед подходит, волевым усилием говорит:

— Присядь, внучок. Голодный?

Я не могу оторвать взгляд от плачущей бабушки. Она захлёбывается:

— Тошка... есть новости... они не очень хорошие...

Я, как зачарованный, смотрю на неё. Она навзрыд шепчет: — Виталька... сыночек... на кого же ты нас старых...

Я поворачиваюсь к деду, вижу, как по его щекам текут слёзы. Он становится на одно колено и обнимает меня.

Воспоминание обрывается.

Дальше воспоминания смешиваются в хаотичную мешанину: образы, обрывки фраз... Голова начинает напоминать о том, что она по-прежнему может болеть.

Ясно одно: побитого судьбой Антона забрали к себе дед и бабушка. Но замкнутый парень не смог прижиться среди других детей — всегда находят те, кто наглее и самоутверждается за счёт слабого.

У меня мелькнула мысль: если удастся оживить Янус, я найду способ заманить туда деда и бабушку и дать им второй шанс. Кандидаты на «исчезновение» тоже есть — тот рыжий и его белобрысая подружка. Если я не собираюсь здесь задерживаться, пусть хотя бы старики начнут жизнь с чистого листа. Они слишком много дерьма повидали.

Хотя... почему я хочу помочь чужим мне людям? Я ведь не Антон. Ладно, спишем на молодое тело, бушующие гормоны и остатки его чувств. А почему бы и нет?

Журчание воды прервало поток мыслей. Вдалеке показался склон, с которого с шумом падала вода, разбиваясь о скалы. Собрав остатки сил, я побежал к озеру.

Пил долго и жадно. Потом присел на камень, начал осматриваться: тот самый водопад, озеро из воспоминаний... Что

же тогда хотел показать дед? Видимо, я уже не узнаю.

Солнце безжалостно начинало припекать. По ощущениям, приближался полдень.

Со стороны лесного склона донёсся хруст ломающихся веток и нечеловеческий вопль, полный злобы и внушающий страх. Сердце ушло в пятки.

— Ой бя... что там вообще?!

Судя по звукам, это что-то явно направлялось в мою сторону. Прислушавшись ещё раз, я ухмыльнулся, а страх сменился азартом.

— Ах ты маленький ужастик... значит, решил гонять отсюда местных? Моё почтение, я бы лучше не придумал.

Он здесь. Страх сменился радостью. Он здесь — мой помощник и лучший ассистент.

— Двенадцатый! — что есть мочи крикнул я вверх.

Звуки смолкли. Десятисекундная пауза показалась вечностью. И вот вместо неведомого чудовища с вершины склона плавно и беззвучно спустился мой дрон.